БОРИС КОПЕЛЕВИЧ О ЖИЗНИ И МУЗЫКЕ

28 августа 2013 года ушел из жизни старейший педагог теоретического отдела Колледжа им. Гнесиных, заслуженный работник культуры РФ Борис Григорьевич Копелевич. В прошлом году он отпраздновал свой 75-летний юбилей. До последних дней Борис Григорьевич продолжал активную педагогическую и творческую деятельность. Его блестящий педагогический дар невозможно представить без великолепного чувства юмора, которое было основано на богатейшем жизненном и музыкантском опыте. В беседе по случаю своего юбилея с учеником, студентом II курса Колледжа Филиппом Чельцовым Борис Григорьевич вспомнил годы юности, учебу в Институте им. Гнесиных и поделился рассуждениями о сущности современной музыки. Эти воспоминания, записанные непосредственно со слов Бориса Григорьевича, сегодня особенно дороги тем, что сохранили неповторимую интонацию его живой речи. Интонацию, которая навсегда останется в памяти всех, кто знал Бориса Копелевича.

О первой встрече с музыкой

Это было давно. В городе Свердловске, нынешнем Екатеринбурге. Я очень любил гулять на улице, кстати, тогда полные дворы были гуляющих детей, и никакого терроризма. Я учился в мужской школе, мы были бойкие ребята, у нас все время были затеи, проделки, приходили домой очень поздно, все чумазые, мамам приходилось стирать ежедневно… Видимо, я очень досаждал моей маме. И меня в девять лет – тогда позже начинали занятия музыкой – определили в музыкальную школу № 1 города Свердловска, которая помещалась в очень знаменательном месте. Это был «поповский дом», по сей день помню, старинный двухэтажный особняк, со старинными роялями.

Первая учительница у меня была очень хорошая – Екатерина Александровна Елкина. Могу сказать – хоть я маленький тогда был и не такой наблюдательный – педагоги были разные, а вот пианистка была, как раньше говорили, «из бывших». Она жила в части особняка, который, видимо, занимала до революции. Это я уже сейчас стал понимать, тогда я ее не расспрашивал, а она мне не рассказывала. Она была в это время уже одинока, у нее сын погиб на войне. У нее был рояль, старинные вещи, и когда я занимался у нее дома, я все это с интересом рассматривал, потому что в других местах кабинеты были как-то проще.

Я учился в музыкальной школе пять лет, поскольку позже начал, и в какой-то момент решил, что мне лучше перейти из моей мужской школы в десятилетку при консерватории. И там меня взяла в фортепианный класс профессор Берта Маранц – ученица Нейгауза, профессор горьковской консерватории, очень серьезная. Помню, я играл Пятую сонату Бетховена, ноктюрн Шопена до-диез минор (посмертный), этюд Мошковского, первую часть сонаты Грига ми минор. Все помню! Ну, не так чтоб сыграть, но помню хорошо. Я ей благодарен, потому что я сам не заметил как, но оказался вовлечен в музыку. Сначала я занимался мало и плохо – в девять, десять, одиннадцать, двенадцать лет, но где-то годам к тринадцати-четырнадцати я стал понимать, что музыка – да, стоящее дело для человека!

Об учебе в Гнесинке

А потом мои родители переехали сюда, в Москву, и я, не без напряжения, поступил в гнесинскую десятилетку как пианист. И моя судьба так обернулась, что я стал теоретиком. Был такой Зелинский, автор учебника, который знают второкурсники, и вот он мне сказал: «А давай в теоретики!…» Как-то в свердловской десятилетке за два года я даже не замечал, были у меня теоретические предметы или нет. Когда Зелинский меня определил в теоретики, я должен был переквалифицироваться, и поэтому поступил не сразу в институт, а сначала еще год учился в училище имени Гнесиных. И вот за этот год в училище я научился и задачи решать, и диктанты писать, и после этого уже получил рекомендацию и поступил в вуз.

В училище я был круглый отличник. До этого я никогда как ученик не был честолюбив. В первом классе, помню, я писал тете с гордостью: «Тетя! Я учусь на все отметки». У меня были колы, двойки, тройки, это я сохранял на протяжении долгого времени. Правда, я не могу сказать, что я был глуп, я всегда был уверен, что если будет надо – то я докопаюсь и все сделаю. В большинстве случаев так со мной и происходило: если упереться – то догадаться можно. Как устроен замок, как выточить ключ – многие вещи, просто нарабатывается навык «посмотри внимательно, как оно устроено, ну и сделай как надо».

Когда я кончил училище, я пошел поступать в институт, абсолютно не волнуясь – настолько был загодя уверен. А тогда по всей стране мальчиков, которые не отслужили в армии, не принимали в вузы. Мы живем в стране, в которой иногда принимаются неожиданные законы для всего остального населения, которые сурово меняют нашу жизнь, а потом, по невозможности дальнейшего исполнения, их отменяют. И вот тогда нигде никого не могли принять, вообще, потому, что демобилизованные военнослужащие не были готовы к тому, что их примут без экзаменов, а те, кто подготовились – должны были добиваться, чтобы им позволили учиться. Я имел рекомендации, и институт тогда похлопотал, чтобы мне в конце концов разрешили поступать.

Помню, на вступительном экзамене по музыкальной литературе мне надо было отвечать оперу Моцарта «Так поступают все женщины», которую я никогда не слышал. Но был клавир. Я что-то такое по клавиру ответил... Пекелис принимал у нас экзамен – благожелательный был человек. Ну, потом, во всех клавирах есть вступительные статьи, если пролистать клавир, то поймешь, кто есть кто; в общем, двадцать минут с клавиром, и вы все расскажете!

По фортепиано я учился в десятилетке и в институте, по программе специального фортепиано, у Марии Александровны Гурвич – доцента, ученицы Метнера, она во всем принимала большое человеческое участие. Теоретические предметы у нас преподавали авторы учебников, по которым вы учитесь – Берков, Степанов по гармонии, Розеншильд, Пекелис, Левик – по музыкальной литературе. Левик был очень приятный, скромный человек, мы с ним много общались, он нас приглашал домой. Тогда ведь было мало современной музыки, и где ее можно было послушать – только в Союзе композиторов, в радиокомитете в ДЗЗ, и дома у Левика, вот так.

О композиторах и современной музыке

У нас на курсе учились Сергей Панкратов – из десятилетки, композитор Дашкевич, еще много композиторов – были разные и некоторые очень забавные. Как говорится, некоторые поражали своей эрудицией, а другие – как раз, наоборот, в них была только одна натура.

Особенно близко я ни с кем из композиторов не был знаком, я был педагог вот тут вот, в училище. Вот когда я учился в Свердловске, там был такой Вадик Казенин, который по сей день известное лицо, председатель Союза композиторов России, мы с ним были дружны.

Однажды я ходил к Денисову домой, мне надо было выступать на конференции, он меня просвещал насчет современной музыки. Это уже когда в институте я учился, раза два мы встречались – я писал доклад, он мне давал советы. Помню, еще у нас был семинар по критике, и нас водили в Союз композиторов, он тогда на Миусской площади был. Там в подвале шел прием в Союз композиторов, Дмитрий Дмитриевич выступал, очень лаконично, часто даже одними междометиями: одобрял, не одобрял…

Я всегда имел интерес к музыке как таковой. Мне было любопытно послушать все, честно говоря – от бытовой и народной до крайне современной. У меня интерес и любопытство и по сей день. Естественно, классика и романтизм, на которых нас воспитывают, закладывают основные понятия о музыке. Но я вижу много общего у этой музыки и современной. У меня никогда не было к ней негативного отношения, было разной меры понимание. Оно и сейчас развивается. Что больше слушаешь – то больше понимаешь. Должен сказать, что и сегодня – что-то такое откопаю в интернете, чего не знаю у Штокхаузена, или хуже знаю, и слушаю – раз, два, три... Чем больше слушаю – тем больше нравится. Как говорил Шуман: «Если Вам не нравится музыка – одно из двух: либо музыка не такая, либо Вы». И он намекал, что вторая половина суждения важнее. Я придерживаюсь этого же мнения.

Я так думаю, что везде есть момент творчества. Как странно ни выглядят всякие технические декларации, слышно, композитор сочинял или, как говорится, писал по линеечке. И здесь есть разница. Большинство музыкантов – все-таки музыканты. А что такое музыкант: он взял один звук, взял второй – все, в нем включился интонационный ход, пошла музыкальная мысль. И она уже не зависит от техники. Думаю, если бы это все было доступно для изучения с детских лет, то, наверное, я бы лучше в этом разбирался. Но я, слава Богу, долго живу на свете, так что будем считать, что мои детские годы начались где-то с тридцати пяти-сорока лет, и я тоже что-то успел узнать.